

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 624-633. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.624
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Russian Experience Integration of Regions into the Empire: Karachay in 1821–1834

Rustam M. Begeulov ^{a, *}

^a Karachay-Cherkess state University named after U.D. Aliev, Russian Federation

Abstract

The article discusses the vicissitudes of the occurrence of the Karachay Duchy in the Russian Empire. In this process, clearly distinguishes two stages. The first of these covers the period from 1821 to 1828. At this time the Russian fortifications, and the posts were placed at the borders of the Karachay lands, but in the relationship of the two parties dominated the military component. The combination of various circumstances led to the fact that Ermolov period Karachay was the only ethnopolitical entities of the Central Caucasus, were not, de facto, political and legal space of Russia. In addition, the intensity of the Russian-Karachay of the relationship, Turkish propaganda and the search for external allies has led to the formation of Ottoman citizenship of Karachay, where he was nominally in the period 1826-28. The turning point in the history of Russian-Karachay of the interaction can be considered as 1828, when in the course of the outbreak of the Russo-Turkish war, the Russian command had a separate military operation to conquer the Karachay. Result of the defeat of the troops of the Karachay was the signing by the political elite of the Karachay first the oath of allegiance to the Emperor of Russia, not affecting, however, the traditional political system and the court. From this point it is possible to allocate the second stage of the integration process, covering the period 1828–1834. It can be described as a time of mutual accusations of violating the terms of the oath, particularly in paragraphs relating to the pass through the territory of the Karachay units non-peaceful highlanders and prevent Karachay for trade and other purposes for the line of fortifications. The main levers of pressure on the Karachay from the Russian military in 1831–1834, he began the economic blockade and expulsion from the region of the hostages, issued earlier by the representatives of the political elite. However, the growing mutual interest in each other led to the resumption of dialogue and the signing in September 1834 a new agreement on the Russian citizenship of Karachay. One of the main elements of the oath 1834, was the establishment of a Russian Governor and dealing with the economic issues that formed the basis for further development and integration of Karachay in Russia.

Keywords: Karachay, Kabarda, Russia, Ottoman Empire, Caucasian war, the Russian command, non-peaceful highlanders, military conflicts, oath, problems of integration.

1. Введение

Интеграция Северного Кавказа в состав российского государства проходила довольно сложно и неоднозначно. Она была осложнена военными действиями, вмешательством иностранных государств, религиозно-политическими движениями и т.д. Даже уже после присоединения региона к России общественно-политическая ситуация на Северном Кавказе нередко обострялась, приводя порой к военным мятежам в среде горских народов. Уже одно это обстоятельство детерминирует непреходящий научно-исследовательский интерес к данной проблематике. Между тем процесс интеграции различных кавказских сообществ в состав Российской империи еще не полной степени получил свое освещение в научной литературе. Многие его аспекты до сегодняшнего дня остаются малоизвестными и малоисследованными. Особенно это касается карачаево-балкарских княжеств,

* Corresponding author

E-mail addresses: r_begeul@mail.ru (R.M. Begeulov)

горских обществ абазин-шкарауа и др. В этой связи данная статья представляет собой одну из попыток заполнения существующей лакуны в области исторического знания в отношении одного из самых высокогорных регионов Кавказа – Карачая.

В связи с тем, что интересующая нас тема не получила достаточно широкого освещения в отечественной и зарубежной историографии, в ходе работы над статьей нами были привлечены источники из ряда региональных и центральных архивов России. Среди них представлены такие архивохранилища, как Российский государственный военно-исторический архив, Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики, Государственный архив Краснодарского края. Из опубликованных сборников документов важное значение имеет коллективный труд «Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790–1917)» (Ростов-на-Дону, 1985). Кроме того, значительную ценность при рассмотрении вопросов, связанных со второй присягой карачаевцев на верность императору всероссийскому (1834 г.) имеют мемуары непосредственного участника этих событий И. Шаховского «Воспоминания о Кавказе», напечатанные в журнале «Военный сборник» (1876 г., № 9–10).

Сразу следует отметить, что наиболее изученный в историографии вопрос связан с первой присягой карачаевцев на верноподданство государю императору 23 октября 1828 г. (здесь и далее даты даны по старому стилю – авт.), а также с непосредственно предшествовавшим этому событию Хасаукинским сражением, последующими условиями присяги и т.д. Эта тематика довольно подробно освещалась еще в имперский период. Так, она стала одним из главных эпизодов в биографии генерала Г.А. Емануэля (командовавшего русскими войсками при покорении карачаевцев), вышедшей из-под пера Н.Б. Голицына (Голицын, 1851). Этой же теме уделил внимание В. Толстов в труде «История Хоперского полка Кубанского казачьего войска» (Толстов, 1900). И, конечно же, подробное описание российско-карачаевского военного противостояния в 1828 г. оставил В.А. Потто, посвятив этому событию один из параграфов своей фундаментальной работы (Потто, 1994). Позднее, в советское время, этой же проблемы касался У.Д. Алиев (Алиев, 1991), а в постсоветский период – Р.М. Бегеулов (Бегеулов, 2002). В то же время события и явления, предшествовавшие 1828 г. или происходившие в промежутке времени между первой и второй (1834 г.) присягами, менее известны и недостаточно исследованы, хотя отдельные интересующие нас сюжеты и получили свое отражение в ряде работ. Например, некоторые перипетии осmano-карачаевского сближения в 1826 г. отмечены в монографии Ф.А. Щербина (Щербина, 1913). Отдельные данные можно почерпнуть из обобщающих работ по истории интересующего нас периода. Среди них можно выделить такие труды, как «Очерки истории Карачаево-Черкесии» (ОИКЧ, 1967) и «Очерки истории карачаево-балкарцев» (Тебуев, Хатуев, 2002).

Таким образом, определенная основа для изучения избранной нами проблематики в историографии имеется. Тем не менее, на наш взгляд, до сих пор существуют некоторые лакуны, которые мы попытались восполнить в этой статье.

2. Материалы и методы

В основе данной исследовательской работы лежит принцип историзма, позволивший осветить проблему присоединения Карачая к России, событий и явлений, способствовавших и препятствовавших этому процессу, на фоне конкретно-исторических региональных условий 1820–30-х гг., с учетом разнообразных внутренних и внешних факторов и предоставляющий возможность определить и оценить причины и последствия интеграции Карачаевского княжества в состав Российского государства. В ходе работы над данной статьей нами был задействован ряд специально-исторических методов. Среди них проблемно-хронологический, хронологический, синхронистический, позволивший установить взаимосвязи между сходными процессами интеграции в других северокавказских регионах, сравнительно-исторический, предоставивший возможность определить особенности развития общественной, военно-политической, экономической ситуации в Карачае в 1820–1830-е гг., генетический, при помощи которого проанализированы основные тренды и закономерности эволюции российско-карачаевского взаимодействия в рассматриваемый период и др.

3. Обсуждение

Как известно, до 1820-х гг. взаимоотношения Карачая с российскими военными и гражданскими лицами на Кавказской линии носили эпизодический характер. Это объяснялось, прежде всего, тем, что российские передовые рубежи были относительно далеко от высокогорных районов верховий Кубани – места сосредоточения основной массы карачаевского населения. Кроме того, своеобразным буфером между Карачаем и Россией в начале XIX в. выступала территория Кабарды, которая рассматривалась российской стороной в качестве неотъемлемой части империи, но сохраняла в описываемое время автономный статус и «мятежный дух», что часто приводило к военным эксцессам. К тому же в конце XVIII – начале XIX вв. Карачаевское княжество оказалось в эпицентре шариатского движения, охватившего регион, что априори не могло способствовать сближению с христианской державой.

Данная ситуация радикально изменилась после 1821 г., когда генералом А.П. Ермоловым было принято решение о ликвидации автономного статуса Кабарды, размещении на ее территории регулярных войск на постоянной основе, строительстве укреплений и т.д. Следует отметить, что еще в преддверии военной операции против «немирных» кабардинцев командование на Кавказской линии заинтересовалось горскими обществами осетин, балкарцев и карачаевцев, рассматривая их в качестве потенциальных союзников в ходе покорения Кабарды. Планировалось, что в качестве поощрения за поддержку российской армии населению высокогорной зоны будет открыт путь к переселению на равнину. Кроме того, командованию на линии было хорошо известно о кабардинской тактике, предусматривавшей в случае появления превосходящих сил противника отход в горы и эвакуацию туда части имущества и небоеспособного населения. Таким образом, отрезав кабардинцев от гор, можно было значительно упростить проведение намеченной военной операции. В этой связи военно-политические предпочтения горских обществ (карачаево-балкарских, осетинских) становились значимым фактором намечавшегося противостояния. По замыслам российских стратегов (в том числе самого Ермолова) переход населения высокогорной зоны на сторону российской армии должен был значительно облегчить проведение военной операции и покорение Кабарды и поставить последнюю в «совершенную зависимость» от России (РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 16. Т. 2. Д. 6209. Л. 3 об.-4).

Однако в оценке этнополитической ситуации в центральнокавказском регионе российским командованием были допущены существенные просчеты. Не учитывались традиционная система взаимодействия местных элит, скрепленная родственными и квазиродственными связями, возросшая роль религиозного (исламского) фактора, культурная и ментальная близость горских этносов и т.д.

В итоге просчеты в оценке ситуации начали сказываться практически сразу после начала военной кампании, которая предусматривала не только полное подчинение местных феодалов российской администрации и строительство новых укреплений, но и проведение масштабных миграций горского населения (создание укрупненных поселений, переселение с гор на равнину и т.д.). Во-первых, ожидавшегося удара по кабардинцам с «тыла» со стороны этносов высокогорной зоны не последовало. Во-вторых, не наблюдалось масштабной миграции с гор на так называемую плоскость, особенно со стороны карачаевцев и балкарцев. В-третьих, расположенные в горах общества стали оказывать кабардинцам существенную гуманитарную и военную помощь. Складывавшаяся ситуация, с одной стороны, заставила российское командование вносить коррективы в разработанные планы «замирения» региона, а с другой – привела к эскалации военных действий и втягиванию в них карачаевского населения.

Еще в преддверии основной фазы военной кампании в декабре 1821 г. командованию на Кавказской линии поступило донесение о том, что оперировавший на р. Куме отряд майора Курилы был атакован объединенными силами абазин, кабардинцев и карачаевцев (Зубов, 2001: 94). По мере же разрастания военной кампании напряжение в действиях обеих сторон начало только нарастать.

Как известно, основные русские силы под личным командованием А.П. Ермолова вступили на территорию Кабарды 22 мая 1822 г. Однако в ходе начавшейся основной фазы военной операции становились все более очевидными просчеты, допущенные в ходе оценки ситуации в регионе. Особенно это относилось к сфере межнациональных отношений на Центральном Кавказе, к возможностям инициирования межгорских конфликтов и привлечения народов высокогорной полосы (в том числе карачаевцев) к военному союзу с Россией. Как отмечалось выше, последний пункт являлся важной составляющей всей стратегии военной кампании. Но реально складывавшаяся обстановка мало соответствовала предполагаемому сценарию. Во-первых, кабардинцы по-прежнему пользовались традиционной тактикой: их отряды отступали в горную местность, туда же эвакуировались семьи и имущество. В горах они пользовались различной поддержкой со стороны местных народов или в крайнем случае могли рассчитывать на дружественный нейтралитет с их стороны. Во-вторых, массового исхода карачаевского и балкарского населения с гор не наблюдалось. В-третьих, стали происходить военные эксцессы с карачаевцами и балкарцами. Это начинало вызывать непонимание и неприятие.

По воспоминаниям офицера Э.В. Бриммера, участвовавшего в военной операции на территории Центрального Кавказа, в июне 1822 г. Ермолов не исключал организацию экспедиции против карачаевцев в случае продолжения «разбоев» с их стороны и отказа переселения на плоскость (Бриммер, 1894: 112-113). Позднее, 30 июля 1822 г., главнокомандующий издал еще более жесткий приказ, в котором карачаевцы прямо были названы «неприятелем» и подлежали «при встрече» истреблению (АКАК, 1875: 459).

Такое ужесточение позиции во многом было продиктовано тем обстоятельством, что в данный период Карачай стал, с одной стороны, своеобразным приютом для всех антироссийских сил в Кабарде и других соседних регионах, а с другой – превратился в своеобразный мост, связывавший Центральный и Северо-Западный Кавказ. После покорения Кабарды Ермоловым значительная часть оппозиционно настроенного кабардинского населения оказалась за Кубанью на территории, формально считавшейся османской до 1829 г. Причем немало мигрантов перебралось в Закубань именно через карачаевскую территорию, так как более удобные и прямые коммуникации были довольно быстро и основательно перекрыты российскими войсками и системой укреплений.

Контролировать же высокогорную часть истоков Кубани военные были еще не в состоянии. Это переселение приобрело довольно массовый характер, затронуло другие народы (при содействии карачаевцев мигрировало и несколько балкарских князей (таубиев) с подвластным населением (ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 41. Л. 19) и вызвало негативную реакцию российских военных. Через Карачай также стали осуществляться набеги на российские укрепления и лояльных России соотечественников со стороны оппозиционных адыгских групп, находившихся в закубанских районах.

Развитие ситуации в таком неблагоприятном для России направлении привело к тому, что командование на Кавказской линии в 1822 г. стало разрабатывать отдельную войсковую операцию по покорению Карачаевского княжества. В то же время сведения о ней весьма скудны и противоречивы. Дело в том, что полновесных источников о ходе ее проведения нами пока не выявлено, но в то же время прослеживается тенденция замалчивания о ней в официальных документах. Собственно сведения о формировании отряда для покорения карачаевцев обнаруживаются в ходатайствах о вознаграждении со стороны проводников-горцев, привлеченных военными. Можно было бы, конечно, предположить, что военная фаза операции так и не началась по какой-то причине. Однако, исходя из прошений проводников, напрашивается вывод о том, что отряд, которым командовал полковник Подрядов, все же был сформирован и направлен на покорение Карачая (Бейтуганов, 1993: 101). Но прояснить дальнейшие перипетии событий пока не представляется возможным. Дело в том, что донесений о произошедшем боестолкновении нам обнаружить не удалось. Также отсутствуют какие-либо сведения о выдаче аманатов (заложников) представителям российского командования со стороны карачаевцев в 1822 г. и народные предания о данном эпизоде в фольклорных записях. Изложенные факты дают нам основание предположить, что до реального боестолкновения дело тогда все-таки не дошло. Возможно, что такой исход предпринятой операции был детерминирован инструкциями самого Ермолова, предписывавшего в то время не совершать далеких рейдов в глубину горных ущелий (АКАК, 1875: 459). Таким образом, Подрядов, проявив осторожность и действуя в полном соответствии с приказом главнокомандующего, мог уклониться от вторжения в высокогорную местность.

Так или иначе, но можно отметить интересный факт: после военной кампании Ермолова 1821–1822 гг. из всех территориально-политических образований в центрально-кавказском регионе только Карачаевское княжество сумело сохранить свою относительную самостоятельность. На его территории не располагались воинские подразделения, отсутствовал институт приставства, сохранялась традиционная система управления, у командования отсутствовали рычаги влияния на карачаевцев через систему аманатства. Карачаевское население не переселялось на так называемую плоскость под контроль постов и укреплений, сохраняло контакты с непокорными горцами и кабардинской фрондой в самой Кабарде и в Закубанье.

Хотя российская сторона продолжала считать Карачай частью империи, но отношения между сторонами осложнялись не только отсутствием каких-либо видимых политических взаимосвязей, но и периодическими военными эксцессами. Так, например, в 1824 г. карачаевцы приняли участие в боестолкновениях с российским отрядом, пытавшимся захватить и переселить абазинские аулы в районе рек Малый и Большой Зеленчук (РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 135. Л. 99). Практика же взаимных нападений с целью реквизиции скота и другого имущества в описываемый период вообще стала чрезвычайно распространенной. В конце 1823 г. в ходе одного казачьего рейда количество угнанных с карачаевских кошей баранов достигло 1000 голов (Потто, 1994: 424). Мало того, влияние карачаевцев как «сильнейших противу всех прочих обществ, живущих в горах» (СПФАРАН. Ф. 32. Оп. 1. Д. 63. Л. 6 об.), на родственные им по языку и культуре балкарские общества способствовало распространению в их среде антироссийских настроений. Согласно данным русской разведки, в 1826 г. в Чегеме только часть общества считалась лояльной по отношению к России. «Другая же, столь же сильная, находилась не под зависимостью нашею (русской – авт.)...» (СПФАРАН. Ф. 32. Оп. 1. Д. 63. Л. 5 об.).

Кроме того, в этот период территория Карачая стала использоваться различными антироссийскими силами в качестве удобного и не контролирующегося имперскими властями транскавказского транзитного пункта. С одной стороны, через Карачай проходили и в его селениях останавливались отряды непокорных горцев. В 1824–1825 гг. масштабные набеги из закубанских районов в Кабарду, приведшие к разгрому двух русских селений, нескольких мирных кабардинских аулов и значительным людским и хозяйственным потерям, прошли для горцев успешно только благодаря неподконтрольности Карачая. В обоих случаях «партии» немирных горцев смогли уйти от преследования, пройдя из Баксанского ущелья «подошвою Эльбруса через карачаевцев за Кубань» (СПФАРАН. Ф. 32. Оп. 1. Д. 63. Л. 6 об.). Следует отметить, что карачаевская аристократия сама была заинтересована в этих акциях, так как за пропуск «чрез земли свои хищных закубанских партий в пределы российские всякая получаемая ею добыча 3-я часть принадлежит им» (СПФАРАН. Ф. 32. Оп. 1. Д. 63. Л. 8 об.). С другой стороны, через Карачай была налажена связь между Османской империей и ее крепостями на Черноморском побережье с де-юре российскими регионами Кавказа, в том числе с Чечней и Дагестаном. В 1826 г. российские власти неоднократно обвиняли карачаевцев в предоставлении убежища «хищникам» и османским «обольстителям», а также в оказании им содействия в деле скрытного перемещения по разным горским округам (АКАК, 1878: 875).

Тем не менее 26 июня 1826 г. с подачи командира кордона правого фланга Кавказской линии полковника Чавчавадзе российские военные заключили с представителями тогдашней карачаевской элиты своеобразный «договор о нейтралитете». Данное соглашение предусматривало отказ обеих сторон от «неприятных» действий в отношении друг друга, свертывание сотрудничества карачаевцев с немирными горцами и т.п. В случае соблюдения этих условий российские власти принимали на себя обязательство разрешить жителям Карачая вести торговлю в пределах империи и «пасти стада своего скота на низменных местах» (РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 8. Л. 1-3 об.). При этом следует отметить, что данный договор фактически закреплял самостоятельный статус Карачая и его территориальное расположение вне границ Российской империи, а его пункты не подкреплялись традиционной для того времени практикой выдачи аманатов.

Несмотря на заключение данного договора, сохранение неопределенности в российско-карачаевских взаимоотношениях, военные эксцессы, а также активная пропагандистская работа нового анапского паши привели к росту проосманских настроений в Карачае. В турецкую крепость Анапы в 1826 г. отправилась карачаевская делегация во главе представителями ведущей княжеской фамилии Крымшамхаловых. Итоги карачаево-османских переговоров были оформлены присягой на верность османскому султану, которая предусматривала, в частности, введение на территории Карачая духовных (шариатских) судов и отказ от использования прежних норм обычного права (Хан-Гирей, 1989: 263). В залог верности данной присяге от карачаевских князей были истребованы аманаты. В свою очередь представители правящей княжеской династии получили от османов заверения в признании своего первенствующего положения в обществе, а статус избравшегося из их среды старшего князя (оли) приравнивался к должности турецкого паши или вали (губернатора). Помимо Крымшамхаловых, текст присяги подписали еще несколько представителей знатных карачаевских фамилий. Кроме того, из Анапы в Карачай направлялся кадий Хаджи-Ахмет, который должен был возглавить местное духовенство, шариатский суд и продемонстрировать независимый от России статус вновь приобретенного турками региона (Бегеулов, 2002: 103).

Впрочем, данный демарш османской стороны привел не только к формальному укреплению ее позиций в регионе, но и, совершенно неожиданно, к появлению серьезной пророссийской оппозиции в данном горном крае. Поводом к этому послужила обычная правовая коллизия. Дело в том, что после приезда из Анапы нового кадия предыдущий не захотел складывать свои полномочия и продолжал исполнять свои обязанности. Как отмечал Ф.А. Щербина, это породило своеобразное «двоевластие», в результате которого люди стали «обращаться к обоим кадиям», что, в свою очередь, вело к возникновению различных «недоразумений» (Щербина, 1913: 386). В итоге представитель другого карачаевского княжеского клана Магомед Дудов, недовольный решением анапского кадия, попытался его убить. Это привело к столкновениям между двумя ведущими княжескими фамилиями Карачая, в результате которых со стороны Дудовых два человека были убиты и двое ранены (Щербина, 1913: 386). Сам же виновник инцидента был вынужден покинуть Карачай. Он обратился за помощью к российскому командованию, был благосклонно им принят и получил возможность проживать в Нальчике (Бегеулов, 2002: 103). Таким образом, в Карачае появилась довольно влиятельная группа прорусской ориентации, сыгравшая позднее свою роль в присоединении Карачаевского княжества к России.

Тем не менее проосманский демарш, предпринятый частью карачаевской политической элиты, хотя и вызвал беспокойство российских военных, но не привел к каким-либо значимым военно-политическим последствиям. Только в 1827 г. новый командующий Кавказской линией генерал Г.А. Емануэль предпринял попытку оспорить вопрос подданства Карачая, вступив в острую, но безрезультатную дипломатическую переписку с анапским пашой. Одновременно командующий инициировал обращение к самим карачаевцам, в котором призывал их принять российской подданство и выдать аманатов. Но представители горского общества ему «и в том, и в другом отказали» (АКАК, 1878: 866). Кроме того, демарш генерала вызвал недовольство главнокомандующего на Кавказе Паскевича, который в ответном письме Емануэлю призывал отказаться от антиосманских выпадов в условиях продолжавшейся в те годы войны с Персией (Потто, 1994: 276).

В то же время российская сторона продолжала обвинять карачаевцев в несоблюдении условий договора от 1826 г., например, возложив именно на них вину за угон казачьего скота с реки Баксан (Щербина, 1913: 385), и в систематическом пропуске «хищнических партий» немирных горцев. В то же время начавшаяся в апреле 1828 г. очередная русско-турецкая война, с одной стороны, развязывала военному командованию руки в отношении даже формально турецкоподданных горских обществ, а с другой – привела к активизации военных действий на Кавказе как с горской стороны, поощряемой призывами к «священной» войне османами, так и с российской.

Очевидно, что в развернувшемся противостоянии военный потенциал небольшого горского общества (Карачая) не играл практически никакой роли. Но летом 1828 г. произошло событие, которое показало российскому командованию, что данный неподконтрольный анклав на стыке Северо-Западного и Центрального Кавказа играет важное стратегическое значение, должен быть ликвидирован и де-факто войти в состав России. 9 июля 1828 г. большой отряд закубанских горцев

при посредничестве и участии карачаевцев сумел не только миновать кордонные укрепления, но и практически полностью уничтожить селение Незлобное Георгиевского уезда (ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 640. Л. 2). После этого горский отряд по уже апробированной практике отошел в Баксанское ущелье, оттуда перебрался в Карачай и, ускользнув от русских войск, благополучно ушел в Закубанье.

Это событие в очередной раз продемонстрировало российским военным стратегическое положение Карачая и важность изменения его политического статуса. Таким образом, принципиальное решение о проведении военной операции против карачаевцев было принято летом 1828 г., хотя ее фактическое осуществление несколько затянулось. Сводный отряд под личным командованием Г.А. Емануэля выступил на покорение Карачая только в октябре того же года. Как известно, 20 октября 1828 г. в результате 12-часового боя сопротивление карачаевцев было сломлено, а через несколько дней состоялась торжественная церемония принятия присяги Карачая на верность государю императору всероссийскому. Поскольку этот эпизод российско-карачаевских отношений является одним из самых известных и хорошо описанных в ряде работ (упомянутых выше), мы не будем останавливаться на этом подробно. Отметим только, что по условиям присяги карачаевцы вновь взяли на себя обязательство не сотрудничать с немирными горцами, а в случае появления крупных отрядов закубанцев немедленно сообщать российским постам; должны были выдать русских пленных солдат и дезертиров, вернуть скот и другое похищенное имущество. При этом не затрагивались основы сложившейся системы управления в обществе и даже не назначался пристав. Однако по условиям присяги 1828 г. от Карачая были выданы четыре аманата (ГАСК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 980. Л. 12 – 12 об.).

По сведениям В.О. Потто, по итогам переговоров карачаевских представителей с генералом Емануэлем также было принято решение о выставлении горским обществом вспомогательных отрядов во время российских военных экспедиций в приграничных к Карачаю районах и о предоставлении при необходимости войскам подвод «за условленную плату» (Потто, 1994: 337).

После официального присоединения Карачая к Российской империи туда был направлен зауряд-хорунжий Ходжаев, который должен был проследить за выполнением условий присяги, и новый кадий – некий Абдулла из Бабуковского аула Кабарды, присланный к карачаевцам взамен арестованного и сосланного в Вологду турецкого эфенди Хаджи-Ахмета (Щербина, 1913: 389). Судя по всему, Ходжаева также прочили на должность пристава. Однако эти нововведения в карачаевской среде не прижились. Население оказалось враждебно настроенным к обоим лицам, в результате чего после вывода войск и Ходжаев, и Абдулла-кади были отозваны из Карачая российским командованием. Главой всего общества продолжал оставаться старший князь (оли/вали), которым на тот момент являлся Ислам Крымшамхалов.

Между тем первая присяга Карачая на верность российскому императору мало что изменила не только во внутренней, но и во внешней жизни карачаевского общества. Если первый год после принесения присяги обе стороны старались придерживаться взятых на себя обязательств (карачаевцы, например, принимали участие в знаменитой экспедиции Г. Емануэля по восхождению на Эльбрус в 1829 г.), то уже с 1830 г. российско-карачаевские отношения вновь начинают обостряться. Карачаевцев перестают пропускать в российские города и селения по торговым надобностям, а сами они начинают по-прежнему пропускать отряды немирных горцев, направляющихся в набег или возвращающихся с него через свои земли. Причем это было не столько следствием взаимного невыполнения принятых на себя обязательств, сколько результатом тесных межэтнических, родственных и квазиродственных контактов с соседями, разорвать которые в одночасье было сложно и практически невозможно. Карачаевская аристократия путем брачных союзов роднилась с соседними народами, а межэтнические браки «вплоть до второй половины XIX столетия оказывали сильнейшее влияние на общественно-политическую ситуацию в крае» (Барзбиев, 2000: 64). Кроме того, сказывался фактор отдаленности русских постов и укреплений. Даже в случае крайней необходимости они не смогли бы оказать карачаевцам необходимую помощь в случае серьезного военного конфликта.

В то же время сами российские власти стали все настойчивее требовать выполнения пункта присяги о недопущении набегов немирных горцев с карачаевской территории. В 1832 г. генерал Вельяминов выдвинул ультимативное требование карачаевцам, в котором объявлял, что они должны прекратить пропускать «закубанские партии», следующие «на хищничества в наши границы» (ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5. Л. 4), в противном случае обещая применить самые решительные меры воздействия. А поскольку ситуация в Карачае и вокруг него, по мнению командования, не менялась в лучшую сторону, оно стало переходить от слов к делу.

Под «решительными мерами» подразумевалась прежде всего экономическая блокада, которая была установлена российской стороной в отношении Карачая как минимум с 1832 г. Она заключалась в том, что карачаевцам стали препятствовать выгонять скот – основу жизнеобеспечения этноса – на предгорные и равнинные пастбища, не пропускали на меновые и торговые пункты, а за пропуск горских отрядов стали применять систему штрафов, выражавшуюся в захвате, отгоне и конфискации овец. Так, например, только в 1834 году командующий войсками Кавказской линии и Черномории генерал-лейтенант Вельяминов наложил на карачаевцев штраф в

размере 10 тысяч овец (Материалы, 1912: 147, 150). Пытаясь найти альтернативные пути сохранения хозяйственного потенциала в начале 1830-х гг. карачаевцы все чаще стали перегонять часть своих отар за Кавказский хребет и пасты их на землях сванов (РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 193. Л. 411 об.), пользуясь родственными связями княжеских родов. Однако полноценной замены пастбищам вблизи Кисловодской кордонной линии они дать не могли.

Вслед за скотоводством кризисные явления охватили и другие отрасли сельского хозяйства. В 1832–1833 гг. неблагоприятные погодные условия привели к неурожаю зерновых культур на всем Северном Кавказе (ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1386. Л. 6). Ситуация в регионе была довольно тревожной: власти опасались голода среди населения. Командующий Кабардинской линией полковник Пирятинский докладывал, что подведомственные ему мирные горцы (кабардинцы, балкарцы, осетины) в пропитании семейств «своих терпят необыкновенную крайность и если покупка хлеба воспрещена будет им в области, то неизбежно подвергнутся они должны последствиям голодной смерти...» (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 101. Л. 76). Но если жители равнинных районов и горцы, считавшиеся мирными, возлагали надежды на помощь государства, то немирные могли рассчитывать только на свои ресурсы. По некоторым данным, положение в Карачае действительно складывалось критическое, так как якобы были зафиксированы случаи, когда «в голодные 1832 и 1833 годы родители продавали дочерей за паек муки» (Г-дъ, 1849: 63).

Еще одним фактором давления на карачаевское общество в это время стали аманаты, выданные российскому командованию в 1828 г. В 1832 г. их перевели из Нальчика в Ставрополь. В то же время было официально объявлено, что новое место их дислокации не что иное, как перевалочный пункт. В случае продолжения «неприятных» действий со стороны карачаевцев аманатов планировалось сослать в Сибирь (ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5. Л. 4 об.). И действительно, в следующем 1833 г. заложники были переведены с Кавказа, правда, не в Сибирь, а в Дмитриевский полубатальон военных кантонистов (крепость св. Димитрия), под предлогом того, что карачаевцы «продолжали пропускать хищников через свои земли и некоторые из них лично участвовали в хищничествах» (СЭПКРНКЧ, 1985: 48). Это мероприятие также оказало серьезное влияние на политическую элиту тогдашнего Карачая. Можно отметить, что среди данных аманатов был сын самого оли Ислама Крымшамхалова.

В сложившейся ситуации политическая элита Карачая попыталась провести переговоры с представителями российского командования. В январе 1833 г. через Баталпашинскую карантинную заставу к Вельяминову в Ставрополь была допущена делегация из четырех карачаевцев, которая пыталась обговорить условия нормализации отношений и изъявляла готовность принять в Карачае русского пристава. Однако Вельяминов посчитал это поиском «временной выгоды», не поверил в их «чистосердечную преданность правительству», требуя безоговорочной покорности (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 162. Л. 3, 6). После возвращения депутатов в Карачай в мае 1833 г. к российскому командованию поступили сведения о том, что «карачаевский народ... начал переселяться на вершину реки Большой Зеленчук к урочищу, называемому Дал...» (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 101. Л. 1). Правда, по имеющимся данным, массового переселения народа удалось избежать, равно как и возобновления военного противостояния, по поводу чего высказывались опасения российских военных, наблюдавших весной 1833 г. в окрестностях Хумаринского укрепления скопление вооруженных карачаевцев численностью до 1000 человек (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 101. Л. 61).

В итоге экономическое и политическое давление со стороны России и заинтересованность карачаевцев в нормализации отношений с ней все-таки привели к новому раунду переговоров. В 1834 г. старший адъютант генерального штаба Кавказского корпуса И.В. Шаховской, который вел картографические работы, получил задание проехать через Карачай в Сванетию. Однако данная поездка вызывала затруднение в связи с обострением и неурегулированностью российско-карачаевских отношений. Взаимная заинтересованность друг в друге привела к возобновлению диалога. Во время нахождения Шаховского в ауле кабардинского князя Мисоста Атажукина (в 6 верстах от Нальчика) к нему прибыла делегация карачаевцев во главе с оли Исламом Крымшамхаловым. Последний высказал ряд претензий к российскому командованию, обвиняя его, в частности, в чрезмерной предвзятости, в произволе и неразберихе в сфере административного управления (Шаховской, 1876: 458).

Шаховской, имея соответствующую инструкцию от командующего отдельным Кавказским корпусом Г.В. Розена, поспешил заверить карачаевскую делегацию в том, что все разногласия в случае изъявления покорности будут устранены. Обе стороны условились провести еще один раунд переговоров непосредственно в Карачае. Он также прошел успешно и в сентябре 1834 г. князю Шаховскому удалось «склонить карачаевцев к возобновлению присяги на верноподданство государю императору» (СЭПКРНКЧ, 1985: 48).

Между представителями карачаевской политической элиты и российского командования был заключен новый договор. Его условия в общих чертах повторяли пункты предыдущей присяги от 1828 г. Самым существенным нововведением стало только появление должности пристава (СЭПКРНКЧ, 1985: 48).

В преддверии переговоров карачаевцам представился случай подкрепить свои обязательства реальным делом. Вооруженный отряд, возглавляемый самим оли, вступил в схватку с партией «хищников», совершивших набег на Кабарду и возвращавшихся в Закубанье. Успех сопутствовал карачаевцам, которые не только разбили неприятеля, но и возвратили награбленное «кабардинцам по принадлежности» (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18505. Л. 19). Это событие также оказало благоприятное впечатление на военных, участвовавших в переговорах. Во многом вследствие этого они благосклонно отнеслись к просьбе карачаевцев, просивших в ходе процедуры выдачи новых аманатов вернуть им прежних, переданных командованию еще в 1828 г. По настоянию Шаховского перед военным министром Чернышевым об этом ходатайствовал сам командующий Отдельным Кавказским корпусом Г.В. Розен (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18505. Л. 21 об.). В итоге прошение карачаевцев о возвращении на родину аманатов после некоторых бюрократических проволочек было удовлетворено.

4. Заключение

Таким образом, присяга карачаевцев 1834 г. гораздо более осязаемо оформила вхождение карачаевцев в состав Российской империи. Главным ее новшеством стало то, что в Карачае появилась должность пристава, олицетворявшего российскую власть. Первым приставом стал представитель кабардинской княжеской элиты Атажуко Атажукин. Его назначение должно было одновременно несколько обезопасить карачаевское общество от враждебных действий со стороны закубанских адыгов. Во-первых, Атажукину было легче договариваться со своими родственниками за Кубанью; во-вторых, в случае групповых военных столкновений, по представлениям горцев, «кровь» ложилась на того, кто возглавлял отряд. Кроме того, события 1830–1834 гг. еще раз продемонстрировали сильную зависимость хозяйства карачаевцев от равнинных и предгорных пастбищ, в значительной степени контролировавшихся российскими военными. Это понимали обе стороны, что стало хорошим рычагом влияния и давления на Карачай со стороны командования и в то же время значимым фактором соблюдения присяги со стороны карачаевцев. Несмотря на все дальнейшие перипетии и сложности российско-карачаевского взаимодействия и даже военные коллизии, обе стороны в дальнейшем старались придерживаться ее условий, по крайней мере, на протяжении более 20 лет. И только восстание 1855 г. в Карачае и его подавление, с одной стороны, подвели своеобразную черту под присягой 1834 г., а с другой – ознаменовали собой начало новой эпохи – окончательной интеграции этого горного края в политико-правовое и экономическое пространство Российской империи.

Литература

- Акты, 1875 – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. 2.
 Акты, 1878 – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1878. Т. VII.
 Алиев, 1991 – Алиев У.Д. Карачай (Карачаевская автономная область). Историко-этнологический и культурно-экономический очерк. Изд.-е 2-е. Черкесск, 1991. 320 с.
 Баразбиев, 2000 – Баразбиев М.И. Этнокультурные связи балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVIII – начале XX веков. Нальчик: Эльбрус, 2000. 112 с.
 Бегеулов, 2002 – Бегеулов Р.М. Карачай в Кавказской войне XIX века. Черкесск, 2002. 179 с.
 Бейтуганов, 1993 – Бейтуганов С.Н. Кабарда и Ермолов. Очерки истории. Нальчик: Эльбрус, 1993. 304 с.
 Бриммер, 1894 – Бриммер Э.В. Служба артиллерийского офицера, воспитывавшегося в 1 кадетском корпусе и выпущенного в 1815 году // Кавказский сборник. Тифлис: Тип. канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1894. Т. 15. С. 52-260.
 ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.
 ГАСК – Государственный архив Ставропольского края.
 Г-дь, 1849 – Г-дь. Поездка к южному откосу Эльбруса в 1848 году // Библиотека для чтения. Спб., 1849. Т. 97. Ч. 1. С. 57-104.
 Голицын, 1851 – Голицын Н.Б. Жизнеописание генерала от кавалерии Емануэля. Спб., 1851. 195 с.
 Зубов, 2001 – Зубов В.П. Подвиги русских воинов в странах кавказских с 1800-го по 1834 г. // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа / Составитель Х.М. Думанов. Нальчик: Эл-Фа, 2001. 386 с.
 Материалы, 1912 – Материалы к истории покорения Западного Кавказа и Черноморского побережья. Время Паскевича и Розена // Кавказский сборник. 1912. № 32. Ч. 2. С. 1-320.
 ОИКЧ, 1967 – Очерки истории Карачаево-Черкесии: В 2-х т. Т. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Ставрополь, 1967. 600 с.
 Потто, 1994 – Потто В.А. Кавказская война: В 5 т. Ставрополь: Кавказский край, 1994. Т. 5: Время Паскевича или бунт Чечни. 400 с.
 РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
 СПФАРАН – Санкт-Петербургский филиал архива РАН.

СЭПКРНКЧ, 1985 – Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790–1917). Сборник документов. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1985. 228 с.

Тебуев, Хатуев, 2002 – *Тебуев Р.С., Хатуев Р.Т.* Очерки истории карачаево-балкарцев. М.: Илекса – Ставрополь: Сервисшкола, 2002. 224 с.

Толстов, 1900 – *Толстов В.* История хоперского полка Кубанского казачьего войска 1696–1896. В 2-х частях. Тифлис: Изд-во военно-исторического отдела при штабе Кав. воен. округа, 1900. Ч. 2. 289 с.

Хан-Гирей, 1989 – *Хан-Гирей.* Черкесские предания. Избранные произведения. Нальчик: Эльбрус, 1989. 288 с.

ЦГА КБР – Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики.

Шаховской, 1876 – *Шаховской И.* Воспоминания о Кавказе // *Военный сборник.* СПб., 1876. № 10. С. 447-468.

Щербина, 1913 – *Щербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска. В 2-х т. (Репринтное воспроизведение). Екатеринбург, 1913. Т. II.: История войны казаков с закубанскими горцами. 880 с.

References

Akty, 1875 – Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoy komissiej. [Acts collected by the Caucasian archaeological Commission]. Tiflis, 1875. T. VI. Ch. 2. [in Russian]

Akty, 1878 – Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoy komissiej. [Acts collected by the Caucasian archaeological Commission]. Tiflis, 1878. T. VII. [in Russian]

Aliev, 1991 – *Aliev U.D.* (1991). Karachay (Karachaevskaaya avtonomnaya oblast'). Istoriko-ethnologicheskij i kul'turno-ehkonomicheskij ocherk. [Karachay (Karachay Autonomous region). Historical-ethnological and cultural-economic profile]. Cherkessk. 320 p. [in Russian]

Barazbiev, 2000 – *Barazbiev M.I.* (2000). Etnokul'turnye svyazi balkarcev i karachaevcev s narodami Kavkaza v XVIII – nachale XX veka [Ethnic and cultural ties of the Balkars and Karachays with the peoples of the Caucasus in the XVIII – early XX century]. Nal'chik. 112 p. [in Russian]

Begeulov, 2002 – *Begeulov R.M.* (2002). Karachay v Kavkazskoj vojne XIX veka [Karachay in the Caucasus war of XIX century]. Cherkessk. 179 p. [in Russian]

Bejtuganov, 1993 – *Bejtuganov S.N.* (1993). Kabarda i Ermolov. Oчерki istorii [Kabarda and Yermolov. Essays on the history]. Nal'chik. 304 p. [in Russian]

Brimmer, 1894 – *Brimmer E.V.* (1894). Sluzhba artillerijskogo oficera, vospityvavshegosya v 1 kadetskom korpuse i vypushchennogo v 1815 godu [Service artillery officer brought up in 1 cadet corps and released in 1815]. *Kavkazskij sbornik.* Tiflis. T. 15. pp. 52-260. [in Russian]

CGA KBR – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Kabardino-Balkarskoj respubliki [Central state archive of Kabardin-Balkar Republic].

GAKK – Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja [State archive of Krasnodar Krai].

GASK – Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja [State archive of the Stavropol territory].

G-d", 1849 – *G-d".* Poezdka k yuzhnomu otklonu Ehl'brusa v 1848 godu [A trip to the southern slope of Elbrus in 1848]. Biblioteka dlya chteniya. Spb., 1849. T. 97. Ch. 1. pp. 57-104. [in Russian]

Golicyn, 1851 – *Golicyn N.B.* (1851). Zhizneopisanie generala ot kavalerii Emanuehlya [The biography of General of cavalry of Emanuel]. SPb. 195 p. [in Russian]

Han-Girej, 1989 – *Han-Girej* (1989). Cherkesskie predaniya. Izbrannye proizvedeniya [Circassian legends. Selected works]. Nal'chik. 288 p. [in Russian]

Materialy, 1912 – Materialy k istorii pokoreniya Zapadnogo Kavkaza i Chernomorskogo poberezh'ya. Vremya Paskevicha i Rozena [Materials for the history of the conquest of the Western Caucasus and the Black sea coast. Time Paskevich and Rosen]. *Kavkazskij sbornik.* 1912. № 32. Ch. 2. pp. 1-320. [in Russian]

OIKCH, 1967 – Oчерki istorii Karachaevo-Cherkesii: V 2-h t. T.1: S drevnejshih vremen do Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoj revolyucii [Essays on the history of Karachay-Circassia]. Stavropol', 1967. 600 p. [in Russian]

Potto, 1994 – *Potto V.A.* (1994). Kavkazskaya vojna: V 5 t. [Caucasian war: In 5 vol.]. Stavropol'. T.5: Vremya Paskevicha ili bunt Chechni. 400 p. [in Russian]

RGVIA – Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [Russian state military-historical archive].

SEPKNKCH, 1985 – Social'no-ehkonomicheskoe, politicheskoe i kul'turnoe razvitie narodov Karachaevo-Cherkesii (1790-1917). Sbornik dokumentov [Socio-economic, political and cultural development of the peoples of Karachay-Circassia (1790-1917). A collection of documents]. Rostov-na-Donu, 1985. 228 p. [in Russian]

Shahovskoj, 1876 – *Shahovskoj I.* (1876). Vospominaniya o Kavkaze [Memories of the Caucasus]. *Voennyj sbornik.* SPb. № 10. pp. 447-468. [in Russian]

Shcherbina, 1913 – *Shcherbina F.A.* (1913). Istoriya Kubanskogo kazach'ego vojska [The history of the Kuban Cossack army]. Ekaterinodar. T. II.: Istoriya vojny kazakov s zakubanskimi gorcami. 880 p. [in Russian]

SPFARAN – Sankt-Peterburgskij filial arhiva RAN [St. Petersburg branch archive RAS].

Tebuev, Hatuev, 2002 – *Tebuev R.S., Hatuev R.T.* (2002). Ocherki istorii karachaevo-balkarcev [Essays on the history of Karachay-Balkars]. M.: Ileksa – Stavropol': Servisshkola. 224 p. [in Russian]

Tolstov, 1900 – *Tolstov V.* (1900). Istoriya hoperskogo polka Kubanskogo kazach'ego vojska 1696-1896. V 2-h chastyah [The history of Khopersky regiment of the Kuban Cossack army 1696-1896]. Tiflis. Ch. 2. 289 p. [in Russian]

Zubov, 2001 – *Zubov V.P.* (2001). Podvigi russkih voinov v stranah kavkazskih s 1800-go po 1834 g. [The feats of the Russian warriors in the Caucasian countries from 1800 to 1834]. Russkie avtory XIX veka o narodah Central'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza. Sostavitel' N.M. Dumanov. Nal'chik. 386 p. [in Russian]

Российский опыт интеграции регионов в состав империи: Карачай в 1821–1834 гг.

Рустам Маратович Береулов ^{a, *}

^a Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются перипетии вхождения Карачаевского княжества в состав Российской империи. В ходе этого процесса четко выделяются два этапа. Первый из них охватывает период с 1821 по 1828 гг. В это время российские укрепления и посты стали располагаться у границ карачаевских земель, а во взаимоотношениях двух сторон превалировала военная составляющая. При этом стечение различных обстоятельств привело к тому, что в Ермоловский период Карачай остался единственным из этнополитических субъектов Центрального Кавказа, не входившим де-факто в политико-правовое пространство России. Кроме того, напряженный характер российско-карачаевских взаимоотношений, турецкая пропаганда и поиск внешних союзников привели к оформлению османского подданства Карачая, в котором он номинально находился в период 1826–1828 гг. Переломным моментом в истории российско-карачаевского взаимодействия можно считать 1828 г., когда в ходе начавшейся русско-турецкой войны российское командование провело отдельную войсковую операцию по покорению карачаевцев. Результатом поражения карачаевского ополчения стало подписание со стороны политической элиты Карачая первой присяги на верноподданство императору всероссийскому, не затронувшей, впрочем, традиционную систему управления и суда. С этого момента можно выделить второй этап интеграционного процесса, охватывающий период 1828–1834 гг. Его можно охарактеризовать как время взаимных обвинений в несоблюдении условий присяги, особенно в пунктах, касающихся пропуска через карачаевскую территорию отрядов немирных горцев и недопущения карачаевцев по торговым и иным надобностям за линию укреплений. Основными рычагами давления на Карачай со стороны российских военных в 1831–1834 гг. стали экономическая блокада и высылка из региона аманатов, выданных ранее представителями политической элиты. Тем не менее, нараставшая взаимная заинтересованность сторон друг в друге привела к возобновлению диалога и подписанию в сентябре 1834 г. нового договора о российском подданстве карачаевцев. Одними из ключевых элементов присяги 1834 г. стали введение должности пристава и урегулирование экономических вопросов, легших в основу дальнейшего развития и углубления интеграции Карачая в состав России.

Ключевые слова: Карачай, Кабарда, Россия, Османская империя, Кавказская война, российское командование, немирные горцы, военные конфликты, присяга, проблемы интеграции.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: r_begeul@mail.ru (Р.М. Береулов)